

Летопись Покровской единоверческой церкви села Большое Мурашкино

Со времени книжного исправления и введения новых церковных обрядов и строгого обращения со старообрядцами, возникли в Русской Церкви и русском православном народе сомнения и разные пререкания.

Народная молва распространяла по всей стране слух, будто бы патриарх Никон православную веру переменял на латинскую ересь и т. п. Народ, веря в непогрешимость старых обрядов, принимал эти слухи за истину, полагая при этом близость пришествия на землю антихриста. Старообрядцы, оставив свои обычные занятия, уходили в непроходимые леса и там в глубоких дебрях искали себе тихого пристанища. С этого времени в чащах и дебрях лесных возникли особого рода скиты и общежития, с монастырской обстановкой, которые по роду обитателей разделялись на два класса: мужской и женский. В Нижегородской губернии центром старообрядческих скитов в то время служил Семеновский скит, отличавшийся от прочих местностей большим обилием лесов. Подобное бегство в пустыни еще более усилилось, когда распространился слух о казни, совершенной в Нижнем Новгороде над ревнителем старых обрядов диаконом Александром (По указу Государя Императора Петра I-го 1722 года). Дьякон Александр за ревность к старым обрядам публично был обезглавлен на Нижнем базаре. Преследованиями и казнями простой и верующий русский народ был смущен и перепуган до последней степени.

Жителям села Мурашкино в прошлом более других известен был Высоковский скит, находящийся в Костромской губернии.

Отшельники этого скита нередко за сбором милостыни на свои духовные нужды приходили в Мурашкино и были принимаемы в виду их смирения в лучших домах селения за почетных гостей, с которыми было о чем побеседовать на счет спасения души. Сии обстоятельства и послужили к усиленному распространению в селе Мурашкино начального старообрядчества, сеятелями которого являлись скитские отшельники. Это относится к концу XVII столетия и последующему времени. Беседы скитских пустынножителей, по сказаниям, передаваемым из поколения в поколение, были чистосердечны, задушевы и весьма трогательны; в них они описывали свое стеснительное положение, что и вызывало в слушателях сострадание, безпредельную любовь и искреннее к ним расположение. А поэтому жители Мурашкино нередко отдавали своих детей для обучения грамоте к обитателям и обитательницам помянутых старообрядческих скитов, которые и руководили воспитанием юных чад.

В 1796 году старообрядцев в Мурашкино было около 45 семей, считая обоюбого пола по 4 человека в каждой семье, а всего до 180 душ, что известно было тогда и епархиальной власти. В виду гонений и утеснений старообрядцев со стороны духовных и гражданских властей, немало потребовалось мужества, чтобы заявить себя, по совести, открыто старообрядцем, и поэтому многие из старообрядцев не значились таковыми по спискам.

Старообрядчество сначала проявлялось в следующем: последователи старых обрядов собирались отправлять свои молитвенные службы то в доме одного, то в доме другого, а под конец имели у себя особый молитвенный дом, помещающийся в задней горнице в жилом строении начетчика древних книг, Якова Семеновича Заварзина, жившего на берегу реки Сундука, при подошве высокой Соборной горы, вблизи воскобойного и красильного заводов, принадлежащих крестьянам Яшновым и Абачиным.

С внешней стороны молитвенный дом Заварзина не представлял ничего особенного и был строением совершенно неприметным; но внутренность оного вполне соответствовала назначению, свойственному молитвенному дому. Восточная стена моленно уставлена была древними иконами в серебряных и позлащенных ризах, как и подобает святому месту. Часовенные старообрядцы сходились на молитву одновременно с православными по благовесту последних. Память святого Димитрия Солунского ими чествовалась особенно, как двенадцатый и престольный их праздник.

Один из прихожан старец Вавила был в этой моленной комнате уставщиком и наставником мурашкинских старообрядцев, как старообрядец и любитель строгих правил, которыми

и руководил своих послеедователей.

В означенной моленной совершались все службы церковные, кроме Литургии, с необычайным усердием, с подражанием первым векам христианства; всеобщие длились с 6 часов субботнего вечера и до 2 часов воскресного утра. Ревнители церкви не любили нарушать церковного устава ни в чем и урезывать положенного святыми отцами церковного Богослужения и выполняли, по примеру Восточной Греческой церкви, вместо чтения, очень многое нараспев. Певцы становились в подобие церковным на две стороны одна против другой и выполняли пение по напеву осмигласному как положено уставом; а прочие все стояли и молились, слушая священное пение с канонархом.

Отличительное свойство сих первых мурашкинских старообрядцев состояло в том, что православную церковь они считали со времен патриарха Никона поврежденной разными новшествами. Священников оной чуждались и таинств от них не принимали никаких, совершая таковыя иногда сами, иногда же при посредстве беглых попов, исправленных ими как от ереси приходящих. Таким образом между мурашкинскими старообрядцами все шло спокойным порядком в продолжение многих десятков лет. Правда со стороны сельского духовенства и полиции бывали по временам некоторые тревоги и денежные придирки. (К двенадцатым праздникам старообрядцев почти ежегодно вызывали в город и подвергали безвинно аресту, пока общество их не внесет придержащим властям приличный выкуп за всех). Но эти денежные вымогательства и аресты существенного расстройств их обществу не причиняли, ибо у них была сильная нравственная поддержка со стороны Высоковского скита, на который они во всем привыкли полагаться, как на своих единственных руководителей древней Христовой церкви.

Одновременно с этим, на юге, в Черниговской губернии между старообрядцами возникла мысль, основанная на Священном Писании, что без священства и Церкви Божией нет спасения. Некто благоразумный и благочестивый старец, инок по имени Никодим, изложив нужды своей братии, обратился с ходатайством за помощью к могущественным тогда вельможам и государственным людям, князю Потемкину и графу Румянцеву, по ходатайству которых Императрица Екатерина Великая и повелела Святейшему Синоду в 1785 году разрешить старообрядцам отправлять свои Богослужения по старопечатным книгам, напечатанным до патриарха Никона, с допущением иметь священников, рукоположенных православным епископом. По примеру сего и нижегородские старообрядцы в 1798 году испросили у блаженной памяти Императора Павла Петровича открыть на тех же правилах, как в Черниговской губернии, отправлять и у них Богослужение по старопечатным книгам. А потом вслед за этим и московские старообрядцы в 1799 году взошли с таким же ходатайством, изложив свои условия в 16 пунктах (на основании которых они принимают от епископов священство), прося и им дать священников, которые бы совершали у них все службы по старопечатным книгам до патриаршества Никона, на что и последовало Высочайшее соизволение Императора Павла Петровича и утвержденные им мнения Московского митрополита Платона 1800 года.

С этого времени старообрядцы, приемлющие от православных епископов священство, стали писаться в актах не раскольниками, а единоверцами.

Около того же времени и Высоковский старообрядческий скит принял священство и присоединился на правах единоверия к православию и обращен в единоверческий монастырь.

В 1805 году и в Мурашко стало известно, что знаменитый Высоковский скит признал необходимым иметь священство и присоединился к единоверию. Известие это встревожило мурашкинских старообрядцев и привело все их общество в сильное смущение. Они рассуждали между собой так: если такие подвижники и мудрые мужи в Святом Писании, как старцы Высоковского скита, между коими состоял знаменитый и безкорыстный старец Герасим, происходивший из донских дворян, лично известный императору Александру Павловичу, приняли священство и присоединились к Святой Церкви, то и они должны последовать примеру своих первоучителей старцев Высоковского скита, которые при всем своем подвижническом житии впадали в явную ошибку. Ввиду чего и мурашкинские старообрядцы почувствовали в себе духовную немощь и впали затем в разномыслие. В среде их открылись раз-

ногласия, распри, и пререкания на счет своего положения. Одни доказывали от Священного Писания, что без Церкви и священства спастись никак невозможно, а другие напротив утверждали, что во времена антихристового пришествия на землю церковь скроется в пустыню и вертепы земные и видима не будет, поэтому и они свое время относят ко времени пришествия антихриста. О сих распрах между мурашкинскими старообрядцами сделалось известно Высоковскому монастырю, откуда и прибыл в село Мурашкино отец Герасим; на долю его выпало увещать братию старообрядцев к принятию благословенного священства.

Маститый старец Герасим в беседах со своими прежними учениками, немало положил труда и искреннего своего старания, убеждая всячески последовать его примеру и согласно правилам апостолов и вселенских соборов принять священство. Труды старца увенчались добрым успехом; общество старообрядцев разделилось по мнениям своим на две половины: одна, следуя указанию отца Герасима, решилась принять священство, а другая не послушала старца проповедника и осталась в расколе. Благоразумная часть мурашкинских старообрядцев, во главе которых состояло семейство Якова Семеновича Заварзина с большим познанием Священного Писания; четыре брата Федор, Иван, Марк и Петр Федоровы Яшковы и два брата Андрей и Иван Ивановы Пресняковы, Иван Алексеев Шестов, Лунины, Абачины с прочими усердниками остались в своем первоначальном помещении для отправления Богослужения в доме Якова Семенова Заварзина, а впоследствии, спустя несколько времени, при помощи отца Герасима испросили себе у епископа Нижегородского выстроить особую деревянную часовню, куда они новообращенные должны были в уроченное время собираться на свои службы и молитвословия. Часовня построена была на усадьбе ревнителя Святой Церкви Якова Семенова Заварзина, бывшего потом в одной несколько лет до самой своей кончины уставщиком.

Означенная часовня по своему внутреннему устройству имела вид церкви. В длину 8 сажень, шириною — 3,5 сажени; в ней были: церковный иконостас, клироса для певчих, и вся церковная утварь и принадлежность. Она разделялась на две половины: восточную и западную. В первой во время Богослужения становились мужчины, во второй трапезной — женщины.

В задней части церковного помещения — перегородка, на которой поставлены святые иконы, а посреди проход в переднюю часть мужского отделения, по обычаю, существующему в Православной Церкви издревле, как говорят начитанные старообрядцы. Первоначально мурашкинские единоверцы своего священника не имели и были причислены к Нижегородской Единоверческой Духовской церкви, отстоящей от Мурашкино в 80-ти верстах, к которой им и приходилось обращаться за всеми христианскими требами. Достоинно замечания, что в одной часовне, как мы усматриваем из метрик церковных за 1816 год, первая треба исполнена была священником Сосипатром над присоединившимся к Единоверию Иваном Алексеевым Шестовым, дедом нынешнего попечителя И. И. Шестова.

Постройка единоверческой часовни по одним документам относится к 1807 году, а по другим, более достоверным, к 1812 году; построена она была на общие средства всех именуемых единоверцев.

Не принявшие же благословенное священство старообрядцы, во главе коих состоял и Андрей Михайлов Вавила, изменить своих прежних убеждений не пожелали, несмотря ни на какие увещания и убеждения со стороны отца Герасима, игумена Высоковского монастыря. И после этого разделения устроили они для своей общины молитвенную комнату в доме одного из своих братьев, крестьянина Привалова, со своим престарелым руководителем Андреем Михайловичем Вавилой, который у них и при Богослужении исправлял должность уставщика до конца жизни. В доме Привалова молитвенная комната просуществовала до 1823 года. В этот год постигло село Мурашкино страшное бедствие: пожар истребил более половины села с несколькими церквами; в том числе сгорел и дом Привалова с его молитвенной комнатой и со всеми принадлежностями, которые требовались при Богослужении. После этого бедствия старообрядческая община решилась устроить для своего молитвенного помещения молитвенную комнату на левом берегу речки Сундука, во дворе своего брата старообрядца крестьянина Родиона Григорьева Судомойкина. Между сими старообрядцами в то

время бывали такие случаи, что браки и крещения нередко в домах их совершались православными священниками по их обряду, но не всегда было так. Лет через 15 Родионовский молельный дом, по распоряжению начальства был закрыт и книги все у старообрядцев отображены в уездный Княгининский суд. После этого в среде их общества произошло новое разстройство. Многие из них присоединились к Единоверию, в том числе и владелец самого молитвенного дома Родион Судомойкин со всем семейством; оставшиеся же в прежнем своем убеждении стали собираться на свои моления тайным образом в частных домах; самого же Вавилы, как надо полагать, к этому времени в живых уже не было.

В таком положении мурашкинские старообрядцы оставались до появления в России австрийского священства, к которому они и присоединились. Это относится к 1848 и последующим за тем годам. В настоящее время в Мурашкино, благодаря стеснительным условиям перехода в единоверческую церковь, австрийское общество образовало целый приход, в котором считается обоюбого пола до 800 душ (из них некоторые живут в близлежащих к Мурашкино селениях). В Мурашкино у них имеется в доме вдовы Недорезовой своя молельная, со всеми церковными принадлежностями и свой священник, рукоположенный из местных жителей, некто Михаил Степанов Дубровин. В Мурашкино бывали и сами австрийские епископы: Антоний и другие.

Первым священником единоверцев был Иона Козмин, человек весьма престарелый, который в продолжение нескольких лет и отправлял в обществе единоверцев все христианские требы; таинство же причащения в то время сообщалось исключительно посредством запасных даров, получаемых из нижегородской единоверческой Духовской церкви. Причиной сему служило то, что в часовне исправлялись все церковные службы и молитвословия, а Литургии не были совершаемы.

Первоначальный наличный состав часовенных единоверцев в то время не превышал 75 душ обоих полов и всех возрастов. Часовенным старостой у единоверцев состоял в течение нескольких лет к ряду крестьянин села Большое Мурашкино Андрей Иванов Пресняков.

Внутренняя обстановка оной часовни была такова же, как и Вавилинская. Порядки существовали строгие; в неприличной и несвойственной старообрядцам одежде на общее моление не допускались ни мужской, ни женский пол. Нарушить установившийся обычай считалось большим грехом и преступлением.

После первого священника Ионы Кузьмина, уволенного за старостию за штат, в 1816 году поступил к часовне вторым священником о. Сосипатр, о летах и деятельности которого, за отсутствием нужных сведений, мы судить не можем. Он священствовал всего три года, как видно из документов.

За выходом о. Сосипатра в 1819 году к часовне был определен священник Алексей Егоров Красовский, имевший от роду около 60-ти лет. Священник Красовский был человек семейный. Он священствовал при мурашкинской часовне 8 лет.

Несмотря на частую смену священников, маленькое единоверческое общество продолжало постепенно восполняться новыми членами из числа старообрядцев разных согласий. Во время большого мурашкинского пожара 1823 года сгорела каменная Благовещенская церковь, которую незадолго до пожара построил на свой счет житель села Мурашкино, Василий Иванович Исаев. Впоследствии он был самым ревностным единоверцем; эту-то церковь, как обгоревшую, с одними стенами, единоверцы готовились испросить в 1824 году у преосвященного Моисея, для обращения ее в единоверческую, обязуясь обстроить и привести ее в приличное благоустройство для Богослужения по старому обряду; но некоторые из прихожан Благовещенской церкви воспротивились этому, почему от епархиального начальства и последовал отказ.

Во главе этого нового единоверческого общества стояли отличающиеся по состоянию и ревности к святому делу крестьяне: Федор Федоров Яшнов с братьями, братья Андрей и Иван Пресняковы, княгининские купцы, Иван Иванович Шестов и Василий Иванович Исаев. Все эти лица принадлежали к числу самых первостатейных и именитых людей села Мурашкино и в среде старообрядческого общества они были ревностными блюстителями отеческих преданий и древних церковных обрядов. Благодаря этому обстоятельству и возникла у

мурашкинских единоверцев в 1827 году мысль устроить церковь. А как здание их старой деревянной часовни и по обращении оной в церковь представлялось весьма неудобным во-первых, благодаря тесноты помещения, во-вторых, непрочности, и в-третьих, что она находилась на самом неудобном месте, при подошве крутой глинистой горы, которая в ненастное время затрудняла сообщение, то обращать деревянную часовню в прочную церковь было бы по меньшей мере неблагоприятно.

Ввиду сего и порешили просить нижегородского епископа дозволить приделать к часовне алтарь и оную освятить на время в единоверческую церковь, пока не будет построена на более удобном месте каменная церковь, которую предполагалось в непродолжительное время соорудить и освятить в честь Входа Господня в Иерусалим. Однако постройка каменной церкви впоследствии затянулась на время более продолжительное, как предполагали сначала, но не по вине и нерадению самих старообрядцев, а по другим обстоятельствам и причинам. Мурашкинские единоверцы обратились в марте месяце 1827 года по поводу этого дела за советом к своему духовному рачителю отцу Герасиму, игумену Высоковского монастыря, прося его войти за них с ходатайством к нижегородскому епископу Афанасию, что игумен Герасим и поспешил немедленно исполнить, представив при рапорте своем и самое прошение мурашкинских единоверцев, подписанное 35 лицами, значащимися при часовне и 11 старообрядцами, пожелавшими вновь присоединиться к Святой Церкви из перекрещеванцев. Это число и составляло первоначальный наличный состав будущего единоверческого прихода.

Для памяти скажем и о подписавших прошение. Первыми подписались: Федор Федоров Яшнов, Василий Иванов Исаев, Андрей Иванов Пресняков, Иван Иванов Шестов.

В прошении предполагаемая каменная церковь именуется кладбищенской, вероятно потому, что в 1827 году иного места кроме кладбищенского не было в распоряжении единоверцев, а приобрести таковое вновь стоило большого труда, потому что земли все состояли в неразмежеванном владении разных помещиков. А кладбищенское место и в то время уже находилось в общем фактическом владении старообрядцев и единоверцев, на что указывают и надгробные памятники, находящиеся на этом кладбище. А именно памятник на могиле деда нашего нынешнего попечителя, Ивана Алексеевича Шестова, умершего в 1816 году и на могиле девицы старообрядки Анны Федоровой Абачиной, умершей 28 ноября 1831 года. Сии живые свидетели яснее всяких документов говорят нам о давно минувшей старине, что это было общее достояние единоверцев и старообрядцев. Кладбище это с давнего времени было отведено мурашкинским старообрядцам безразлично для всех толков и служило, как прежде, так и в настоящее время, общей усыпальницей единоверцам и старообрядцам.

Ходатайство мурашкинских единоверцев епископ Афанасий удовлетворил, разрешив построить к часовне алтарь, и оную обратить в церковь и с сим вместе дал разрешение на постройку каменной церкви. Причем епископ приказал для новой церкви, то есть еще деревянной выдать из соборной ризницы древнейший антиминс, освященный при благоверном царе Алексее Михайловиче, Московским Патриархом Иоасафом для храма Преображения Господня.

Чрез два месяца алтарь к часовне был пристроен, а 9 мая 1827 года на память святителя Николы состоялось освящение церкви в честь Покрова Пресвятыя Богородицы, чему в часовне праздновалось и прежде.

Чин освящения первой церкви совершал тот, который мурашкинских старообрядцев убеждал принять благословенное священство, — игумен Высоковского монастыря отец Герасим.

День освящения первой церкви, 9 мая 1827 года послужил как бы чудным предзнаменованием для будущего за 60 лет вперед третьего храма в нашем приходе, освященного во имя угодника Божья Николы чудотворца, о чем будет сказано ниже.

По обращении часовни в церковь, Богослужение совершалось неопустительно и торжественно по чину, без малейшего опущения; жители села Мурашкина, из всех приходов стали посещать единоверческую церковь в большом числе; духовенство православных приходов, видя опустение своих церквей, причиной чему служило нерадение их в отправлении Богослужения, а также и умаление своих доходов, обратилось с жалобой к епархиальному начальст-

ву на единоверцев, которые якобы развращают православных. Епархиальное начальство по доносу предписало запечатать алтарь; смущенные мурашкинские единоверцы немедленно уведомили о том своего благотворителя и защитника, Высоковского монастыря игумена отца Герасима. Он немедленно обратился к Нижегородскому епископу, в защиту мурашкинских единоверцев. Объясняя преосвященному неправоту доносов, при чем разъяснил, как следует дарованные Высочайшей волей права для единоверцев. Вслед за этим немедленно распечатан был алтарь, и церковное Богослужение было восстановлено.

С обращением часовни в церковь явилась надобность и в колокольне, которая была устроена, как временная, на четырех деревянных столбах и с такою же крышею. Звон состоял всего из пяти небольших колоколов, из которых самый большой весил 38 пудов, а последние были еще меньше для стройного звона. Внутренняя обстановка деревянной церкви была не богатая и самая простая. Небольшой иконостасец, белый с простой резьбой, несколько необходимых икон и небольших подсвечников довершали все благолепие старой деревянной церкви. Что же касается до внешности, то церковь совершенно походила гораздо более на обыкновенные обывательские строения, и если чем от последних отличалась, так это тем, что на церкви имелся крест, а также и на алтаре, по его освящению, впоследствии поставлен был крест.

Сие обстоятельство и служило к тому, что злоречивые языки не благоразумных людей не стеснялись произносить насмешки и разные непотребные глумотворства, называя святую церковь Кожевенным заводом.

В первое время часовня у единоверцев по недоброжелательству местного духовенства и некоторым другим причинам подверглась преследованию со стороны уездных властей и была запечатана, что тяжело отзывалось на единоверцах.

Деревянная церковь, обращенная из часовни, таким образом, просуществовала до 1841 года.

Священником в ней с 1827 года состоял отец Иаков Семенов, человек еще молодой и семейный, имеющий при себе жену и детей.

Сим и закончим свое сказание о существовании первой единоверческой часовни и церкви для памяти прихожан.

Разрешение на постройку каменной церкви, как известно, испрошено было еще в 1827 году. Прихожане единоверцы, ревнуя святому и доброму делу, открыли между собой на постройку церковного здания подписку, по которой значится денежной суммы до 20,00 руб. Ассигнациями, что видно из ответа уполномоченного от прихода Федора Федоровича Яшнова, Нижегородскому губернатору г. Храповицкому. К построению же новой церкви по скорости преступлено не было. Прошло около 8 лет в приготовлениях к такому важному и непосильному делу. А между тем старая деревянная церковь приходила в ветхость и становилась для постепенно увеличивающегося прихода тесною.

Причины, по которым приходилось отлагать постройку каменной церкви, были уважительными. Первая, что священник Иаков Семенов не ладил с прихожанами и, требуя разных формальностей, не допускал многих желающих к приобщению Святых Таин. Священник Семенов хотя и был при единоверческой церкви, но на своих прихожан он смотрел недружелюбно, как на раскольников. Подобные примеры существуют и в настоящее время в некоторых единоверческих приходах. Само собою, разумеется, что такое положение вынудило прихожан к необходимости обратиться с просьбой к епископу, назначить к ним другого священника; желание прихожан было уважено: священника Семенова перевели из Мурашкина в село Лысково в кладбищенскую церковь.

А на его место в Мурашкинскую Единоверческую церковь в 1834 году поступил священник Алексей Егоров, человек еще молодой и семейный. Не меньшим затруднением представлялось и то, что подписных денег не хватало и на половину предполагаемой постройки церкви.

В числе прихода был, особенно на виду по усердию к церкви Божьей и по состоянию единственный человек Василий Иванович Исаев, на которого прихожане вполне надеялись, что начатое исполнится в точности. Но в то время Исаев еще не был причислен к единовер-

ческому приходу, хотя и усердно посещал церковь Божью и хлопотал неотложно о присоединении своем к Единоверческой церкви. Из указа Нижегородской Духовной Консистории видно, что в 1830 году Исаеву отказано было в пользовании требами от священника единоверческой церкви. Присоединение в то время было сопряжено с большими затруднениями и долговременными проволочками. Желавший присоединиться к Единоверию предварительно вызывался в уездный город для увещевания и для большего подкрепления словесных вразумлений отца миссионера непослушный старообрядец подвергался временному аресту, а иногда и телесному наказанию розгами. За ходатайство быть единоверцами, или остаться старообрядцами, подобному истязанию подвергнуты были старообрядцы села Большого Мурашкина: Дмитрий Балымов, Михаил и Андрей Пузанковы, которые все жестоко были высечены розгами, не смотря на их почтенный возраст (за 40 лет).

О приписке к Мурашкинской Единоверческой церкви крестьянина одного села Андрея Салинкина такие возникли затруднения, что докладывалось на разрешение Государя Императора Николая Павловича (смотри собрания постановлений по части раскола 29 января 1834 года).

Обратимся снова к нашему повествованию о тех причинах, которые отдаляли постройку каменной церкви. В числе сих являлась самой главной та, что кладбищенское место, назначенное по первоначальному соображению, оказалось для этого довольно неудобным, ибо находилось за оврагами и в отдельности от селения, грунт земли был изрыт могилами, так что рассчитывать на прочность грунта было невозможно; хлопоты же о приобретении другого подходящего места были безуспешными, хотя такое и было единоверцами усмотрено на краю селения, лежащим пустопорожним. Но оно состояло в ту пору в нераздельном владении трех помещиков: князей Волконского, Грузинского и Аникеева, из которых более всех препятствовал князь Грузинский, Георгий Александрович, не расположенный вообще к старообрядцам. Напротив, князь Волконский Александр Никитич вообще к нуждам старообрядцев относился милостиво. И со стороны г. Аникеева препятствий к тому не было. Вся суть состояла в князе Грузинском, который имел постоянное пребывание в селе Лыскове.

Поэтому, чтобы по возможности ускорить ходатайство о месте, церковный староста Иван Иванович Шестов (отец нынешнего попечителя) отправился к князю Грузинскому в село Лысково за 30 верст, просить князя на счет уступки означенного под каменную церковь места. И когда староста Шестов явился с просьбою к князю, то последний, не разобрав хорошенько в чем дело, почел просителя за своего крепостного крестьянина, и кинулся на него с толстой палкой в руке драться. Староста Шестов, в виду такой жестокости, не успел сделать ни какого возражения князю, и, избитый неповинно, опрометью выбежал от последнего и в ту же минуту отправился в Мурашкино.

После этого князь одумался, и, узнав, что избитый не его крестьянин, а княгининский купец и при том же градской голова, сообразил неблаговидность своего поступка и послал немедленно за старостой Шестовым своего гонца, с приказанием воротить к нему избитого. Посланный нагнал Шестова, уже проехавшим от села Лыскова около половины пути, и упросил вернуться с ним снова к князю, который пожелал с ним проститься и за обиду обещает сделать вознаграждение.

Староста Шестов несказанно этому обрадовался и, забывая нанесенные побои и обиды, повернул лошадь обратно в Лысково и явился к князю Грузинскому вторично.

При виде его князь сильно смутился, встал с кресла, подал обиженному руку и в извинение свое сказал следующие слова: "братец, я тебя жестоко обидел и безвинно, прости меня Христа ради, и скажи теперь мне, чего ты просишь у меня?". Шестов повторил свою покорнейшую просьбу об уступке под постройку церкви означенного места. И князь, выслушав просителя со вниманием, немедленно приказал своему управляющему отвести просимое место под церковь в селе Большом Мурашкине.

Окончательный же отвод этого места состоялся в 1833 году, когда пришли к соглашению по сему предмету все владельцы помещики. Означенное место было одно из худших и заброшенных пустырей, на краю селения, которое ни помещикам, ни крестьянам не приносило никакой

пользы, и было совершенно брошеным и заросшим репейником. С южной и северной сторон его проживали крестьяне господина Аникеева, а с запада в ту пору существовали старые мясные ряды и скотобойни. Поэтому рвы и водомойные ямы, находящиеся на том месте, забрасывались обыкновенно нечистотами и разили сильным зловонием. Можно подивиться тому, что для церкви Божьей пришлось взять такое незавидное место. Но необходимость ко всему может принудить.

Около этого времени обстоятельства стали изменяться к лучшему. Василий Иванович Исаев присоединился в число прихожан Мурашкинской Единоверческой церкви и принял на себя строительство каменной церкви, и совокупными силами с Иваном Ивановичем Шестовым немедленно принялись за общее дело. По составленной на сей предмет точной смете, предполагаемая стройка церкви требовала затраты таких денежных сумм, которых приход в своем распоряжении не имел. В виду этого на имя Ивана Ивановича Шестова испрошена была на 2 года у Нижегородского епископа сборная книга, в которую и записывались все пожертвования на сооружение церкви. В указе Нижегородской Консистории Иван Иванович Шестов именуется ктиторм (строителем), и в условиях с подрядчиками по построению оной церкви они оба писались строителями: Исаев и Шестов, то же подтверждается и приговорами прихожан. Сколько было собрано пожертвований нам неизвестно.

Закладка каменной церкви состоялась в июне месяце 1835 года. Для сокращения расходов и большей успешности построены были за кладбищенской церковью свои кирпичные заводы, на которых и готовился на кладку свой мятый кирпич, который и поступил немедленно в дело. Все строительные работы производились под бдительным присмотром Ивана Ивановича Шестова, который постоянно находился на постройке и наблюдал за ходом работ, по временам бывал на месте работ и Василий Иванович Исаев, который жил постоянно в Москве.

Нельзя пройти молчанием и о той 90-летней старушке, матери Василия Ивановича Исаева, Евдокии Алексеевне Исаевой, которая, будучи преклонных лет и весьма доброю и к святой церкви прилежною, всегда поощряла сына своего к скорейшему сооружению храма Божия. Мы слыхали неоднократно следующие слова старушки матери: «Вася, ты не ослабевай в построении дома Божия, помни, что и тебя Бог не оставит в будущем своею милостию». Да будет о тебе, добрая ревнительница дома Божия, и от наших потомков навсегда вечная память!

Благодаря непрерывному старанию этих благодетелей, кладка церкви производилась весьма быстро и успешно, так что весною 1837 года она вчерне приведена была к окончанию. А затем в самом непродолжительном времени и заготовлен был в Москве и иконостас, который позолочен московскими лучшими мастерами этого дела.

План церкви во всех отношениях и самый иконостас снят был с Единоверческой Введенской церкви в Москве, что у Салтыкова моста. Каменная церковь свободно может вместить в себе до 500 человек молящихся. Колокольный звон на первое время был перенесен из старой деревянной церкви, которая за ветхостью здания подлежала сломке на дрова.

Новопостроенная каменная церковь освящена 7 сентября 1841 года, на память святого мученика Созонта и святого Иоанна архиепископа новгородского чудотворца; святой престол освящен в честь Покрова Пресвятыя Богородицы.

Чин освящения совершал священник Городецкой Единоверческой церкви отец Георгий Иконников; отца же Герасима, игумена Высоковского монастыря, насадившего Единоверие в селе Мурашкине, в это время в живых уже не было. Освящение отпраздновали Мурашкинские единоверцы необычайно радостно, о чем некоторые очевидцы помнят и до днесь. Накануне освящения 6 сентября 1841 года, во время всеночной происходил сильнейший гром и молния, которые в это время редко бывают в нашей Северной стране. Ко времени освящения каменной Покровской церкви, мы не видим тех старцев-ревнителей, которые устраивали первоначальный деревянный Молитвенный дом, по присоединении так сказать к Единоверию, — ни Яшковых, ни Пресняковых, ни Луниных, ни Заварзина, и проч. Вероятно их в это время уже в живых не было, а остались их некоторые потомки, ко-

торые и поныне служат с усердием и любовью на пользу святой церкви, как бы напоминая тем о своих предках-родителях. Помянем и мы с благоговением отшедших в вечность основателей святой нашей Благословенной Единоверческой Церкви. Господи, не лиши их вечной блаженной жизни за их благочестивые труды и сбережение отеческих преданий!

В 1849 году церковная земля с южной стороны еще увеличена на 238 с., уступленная помещиками в пользу церкви безвозмездно. (Помянутое место состояло в переулке).

В то же время церковная местность обнесена была каменной оградой (с трех сторон), внутри оной построен был дом для жительства бедным и безродным прихожанкам, старушкам; в них они проживают и в настоящее время в 12 домиках. А здание деревянной церкви с разрешения епархиального начальства, как мы сказали выше, употреблено было на топку каменной церкви; внутренняя же принадлежности: святые иконы, сосуды и книги поступили в каменную церковь. На месте же старой церкви, где был Престол, построена небольшая каменная часовня, внизу коей заложен святой крест. Означенная часовня в настоящее время находится на усадьбе Сергацкого мещанина Григория И. Абачина, который по шатким основаниям застроил церковное место, благодаря опущению и недоразумению Мурашкинских единоверцев. Попечитель церкви Иван Иванович Шестов входил в Святейший Синод с прошением о разрешении Мурашкинским единоверцам ежегодно ходить с крестным ходом на это старое церковное место в знак воспоминания их просвещения душевного и обращения в лоно святой апостольской церкви, что и дозволено совершать в первое воскресение Петрова поста. Разрешение последовало в 1887 году.

Ко времени освящения Покровской церкви единоверческий приход состоял из 116 душ мужского пола и 179 женского. С устройством каменной церкви обращения из раскола в Единоверие стали еще чаще, ибо деревянная церковь отчасти смущала старообрядцев своею внешностью, которая более походила на простые строения, чем на церковь.

В 1847 году священник оной церкви Алексей Егоров 2-й по семейным причинам из Мурашкина переместился в другой приход, а на его место принят был священник из Семеновского уезда Нижегородской губернии, из медведевского Единоверческого женского монастыря отец Михаил Никольский, человек средних лет, семейный. По службе священник Никольский был один из лучших, за что и пользовался любовью прихожан. При нем некоторое время уставщиком находился из крестьян Михаил Иванович из села Ворсмы; впоследствии к такой же должности отозван на родину.

А по его отъезде церковный староста Иван Иванович Шестов на должность церковного уставщика принял с согласия прихожан местного крестьянина Александра Иванова Шумилова, присоединенного из старообрядцев, который и отправлял эту обязанность в Мурашкинской Единоверческой церкви непрерывно около 30 лет. Александр Шумилов поступил в уставщики в 1847 году перед выходом священника Алексея Егорова в другой приход. Причетника при церкви не имелось, а потому уставщику Шумилову управлять одновременно двумя клиросами весьма затруднительно было, поэтому на следующий же 1848 год приглашен к нему был в помощники из прихожан Николай Васильевич Шапошников. Первый управлял правым клиросом, а второй левым. Шапошников знанием дела и смиренством оставил по себе в приходе добрую память; он до своей смерти оставался уставщиком в течении 34 лет к ряду.

Благовременно здесь вспомнить и начального уставщика Якова Семеновича Заварзина, который был уставщиком сначала в часовне, а потом и в старой деревянной церкви. Он был глубоко начитанный в Святом Писании.

Не довольствуясь прежним небольшим звоном, в осень 1849 года отлиты были новые колокола: первый весом в 420 пудов, второй в 170 и третий 115 пудов, которые в октябре же месяце того года и были подняты на колокольную, всего весом более 700 пудов. Колокола отливались в Мурашкине на убогом доме недалеко от ограды Единоверческой церкви.

Означенные колокола слиты всецело на средства Василия Ивановича Исаева без помощи со стороны прихожан.

Сотрудник же его Иван Иванович Шестов в 1850 году скончался, имея от роду 73 года. Да будет вечная память и сему усердному ревнителю, с любовью потрудившемуся о устройении дома Божия!

Весною 1850 года приступлено было по распоряжению Василия Ивановича Исаева к работам по украшению Покровской церкви стенным писанием. План стенного писания обдумывался не спеша и согласно Святого Писания. На западной стене изображены 72 видения Иоанна Богослова о судьбах Церкви Христовой, из Апокалипсиса по древнейшим рисункам. Книга для руководства была привезена нарочито из Костромской губернии известным начетчиком из села Работок крестьянином Ефимом Григорьевым Перевозчиковым. Боковые стены расписаны евангельскими событиями, из жизни Христа Спасителя. Посредине церковного кумпола изображены чины небесных сил; в алтаре же, по примеру древних церквей, изображена литургия, а на своде онаго святые апостолы, с изображением их страданий; в западной части свода церковного изображены пророки и праотцы. Сии важныя работы совершены с полнейшей добросовестностию по образцу греческих иконописцев.

По совершении всего для проверки работ нарочно был приглашен означенный начетчик Ефим Григорьевич Перевозчиков, по указанию котораго и было многое исправлено, как нужно, согласно Святаго Писания. Перевозчиков сначала был в расколе, и сомневаясь в святости православной церкви 15 лет провел непрерывно в поисках и изследовании истины, не был ни разу дома, а потому и стяжал обширныя познания в Священном Писании.

Построение и внутреннее украшение оной церкви Василию Ивановичу Исаеву обошлось в 40 000 рублей серебром. Каковое обстоятельство подтверждается его объяснением, данным в 1850 году Нижегородскому епархиальному начальству. Но на самом деле израсходовано более 50 тысяч рублей.

К этому времени Мурашкинский Единоверческий приход, постоянно восполняемый при током обращающихся из раскола, возрос до 428 душ, из числа коих было 188 душ мужскаго и 242 души женскаго пола. Приход не ограничивался одною местностию села Мурашкина, а был частию и в его окрестностях.

Старостою церковным по смерти Ивана Ивановича Шестова избран был прихожанин села Большаго Мурашкина Андрей Петрович Салинкин, который состоял в оной должности несколько лет кряду. Он в присоединении к единоверческой церкви встретил большия препятствия: дело его рассматривалось, как мы сказали выше, в Правительствующем Сенате, как видно из актов онаго за 1834 год. Он по Высочайшему повелению был присоединен к Единоверию.

За выходом священника Алексея Красовскаго дела в приходе вообще шли гораздо лучше. Преемник его священник отец Михаил Никольский при вступлении своем не мало способствовал обращению из раскола в лоно святой церкви. В течение десяти лет, начиная с 1850 и по 1860 год, приход еще увеличился на 200 душ обоего пола.

Продолжая благотворения, Василий Иванович Исаев положил твердое намерение упрочить доброе дело и на будущее время и с таковою целию пожелал при Мурашкинской Единоверческой церкви учредить богадельню, в которой бы призревались немощные члены онаго прихода. Исаев выстроил в 1851 году, в ограде означенной церкви для богадельни каменный двухэтажный дом и в то же время чтобы обезпечить богоугодное заведение приобрел на свои средства в окрестностях села Мурашкина приблизительно 700 десятин земли, доходы с коей и предназначал на содержание предполагавшейся к открытию богадельни и другия церковныя надобности. Покойный благотворитель Исаев в 1857 году входил куда нужно с прошением об открытии помянутой богадельни, но разрешения при его жизни на сие не последовало. И благое дело духовными властями во внимание принято не было. Причиной сему послужило предупреждение со стороны епархиального начальства развития в среде единоверческаго прихода какого-то раскола, подрывающаго православие. Благотворитель Василий Иванович Исаев желал, чтобы в богадельню принимались для призрения как старообрядцы, так и православные безразлично с единоверцами; ему желательно было оказать милосердие только истинно нуждающимся в пропитании. Святейший Синод соглашался с этим, но под условием, чтобы призреваемые из православных ни в каком случае не были напутствуемы единоверческим священником, а всенепременнейше православным (священником), котораго полагалось приглашать в богадельню при Единоверческой церкви из другаго прихода, как будто сии тайны, принятыя от руки единоверческаго священника, не имеют для пра-

вославных спасительного достоинства. Конечно такое отношение православных к единоверию обидным показалось благодетелю Исаеву, который простирал свою любовь и милосердие на всех, кто имел в том нужду. Сверх того православные священники, пользуясь случаем, что бедняк какой-нибудь их прихожанин, проживает в единоверческой богадельне, не преминули бы вмешиваться в дела богадельни и чинить доносы и клеветы своему начальству. В виду этого Исаев и не согласился допустить такого условия, а Святейший Синод без сего не разрешил и открытие богадельни.

Василий Иванович Исаев скончался 8 марта 1865 года на 75 году, не достигнув осуществления своего заветного намерения устроить призревание для бедных вообще, и похоронен в Москве при единоверческом женском Всесвятском монастыре. Но при жизни своей он сделал 9 января 1865 года завещание, которым просил своих родных постараться осуществить начатое им дело об устройстве в Мурашкине богадельного дома, хотя бы с уступками требованию со стороны духовных властей.

Согласно сего завещания наследники Исаева неоднократно входили в Святейший Синод с ходатайством об открытии помянутой богадельни, которую и разрешено 8 июля 1885 года открыть, но под тем условием, чтобы в этом заведении призывались исключительно одни единоверцы, а православных и старообрядцев в богадельню отнюдь не допускать. Богадельня открылась по смерти покойного благодетеля Исаева спустя 20 лет, из коих добрая половина прошла в хлопотах. Сколько было положено труда и всевозможных забот по устройству богадельни, Богу только одному известно. Но любовь к этому делу все превозмогла. Да не посетует на нас читатель если скажем следующее.

Василий Иванович Исаев — уроженец села Большаго Мурашкина, по торговым своим делам имел постоянное место жительство в Москве, и на родину же свою приезжал однажды в год.

Покойный Исаев имел обыкновение делить нищих вещами и деньгами и просящим, сколько бы их ни случилось, никогда не отказывать. Нищие, пользуясь его добротой, окружали его большой толпой, лишь только-бы он вышел со двора, или из церкви и следуя за ним нередко заграждали благодетелю путь. Бедные люди и до днесь с любовью вспоминают о нем, имея в виду живое доказательство его добродетели: Покровскую церковь и при ней богадельню. Сим и заканчивается второй период существования единоверия в селе Большом Мурашкине 1865 годом.

По смерти строителя Василия Ивановича Исаева попечительство Большой Мурашкинской единоверческой церкви, по просьбе прихожан, принял на себя его зять Московский купец Иван Иванович Шестов, родной сын бывшего церковного старосты Ивана Ивановича Шестова, который был сотрудником Исаева в деле построения Покровской единоверческой церкви. Попечительство церкви перешло ко второму Ивану Ивановичу Шестову, как бы по наследию от отца к сыну.

Преемник Исаева, Иван Иванович Шестов, тоже уроженец села Большаго Мурашкина, проживает в Москве, и в Мурашкино приезжает тоже однажды в год в августе месяце, а в нужных случаях, по делам церкви, и более.

Попечитель Шестов прежде всего озаботился насчет открытия по мысли Исаева богадельни, что и привел в исполнение, как сказано выше.

В первое время его попечительства в селе Мурашкине не было ни одной школы, где бы юношество получало себе возможное просвещение и познание в чтении и письме. Дети обучались в самом незначительном количестве, частью у церковных причетников и то кое-чему и кое-как, но за известное денежное вознаграждение и при своих учебниках. По этому к учению являлось очень мало, не более одной двадцатой части всего школьного возраста, а последние все оставались безграмотными. О земских и других школах в Мурашкине не было и помину. Это печальное обстоятельство и привлекло внимание попечителя Шестова, который обратился с просьбой к Нижегородскому Епископу Филарету, прося последнего разрешить открыть ему Шестову на свои средства в селе Большом Мурашкине при Единоверческой Церкви школу грамотности. Ходатайство было уважено.

Школа открылась в 1870 году. Попечитель Шестов к школе проявил особую лю-

бовь и расположение, снабдив оную и обставив всеми нужными книгами, бумагой и всем потребным. Как в письмах, так и в разговоре с прочими, школу он называл своим любимым детищем, о котором попечитель действительно много заботился и об обучающихся в ней детях, не щадя издержек своих, избавив учеников от всякой платы. Программа школы состояла в том, чтобы выучить детей прежде всего читать книги церковно-славянской печати, потом гражданской, писать и считать на счетах и прочее, словом, что необходимо детям православных родителей в нравственном отношении и в жизни сельского обывателя. Главною же задачей школы полагалось: 1) посеять и укрепить в юном поколении благодетельство и уважение к старшим; 2) приохотить детей к чтению книг поучительного и духовно-нравственного содержания, дабы они и по выходе из училища читали полезные книги, не только про себя, но и для неграмотных своих односельцев и родных и тем приносили бы обоюдную пользу. Школа со времени открытия своего помещалась до 1889 года в одном доме с богадельней. Обучающихся бывает от 40 до 60 человек. Но с начала ее открытия с 1870 по 1874 год, когда в оную не стеснен был доступ учащимся и кроме детей, принадлежащих к Единоверию, обучались и дети православных родителей и старообрядцев. Тогда в единоверческой школе было до 100 человек обоего пола, так что ощущалась теснота в помещении.

Княгининский училищный совет, вместо того, чтобы поощрить дело доброе и полезное, возбудил вопрос: почему в единоверческой школе учителя не имеют свидетельства на право быть учителями? Главная же причина оказалась в том, что священник той же единоверческой церкви Александр Цветков и диакон Лебедев не поладили с учителем школы Фаддеем Афанасьевым Романовым и донесли училищному совету, будто учитель малограмотен, а их не допускает преподавать в школе Закон Божий и тому подобное, и сверх того сообщили министерству, что школа наша будто бы вредна для детей православных родителей. Между тем как это была самая неосновательная и безсовестная клевета с вымогательствами, до которых так падки были наши священник и диакон, прославившиеся впоследствии подобными подвигами. По сим недоброжелательным доносам прием детей православных родителей к обучению в единоверческую школу был воспрещен, а учителя обязаны подпиской не заниматься в помянутой школе, пока не будут иметь на то установленных свидетельств на права обучения детей.

В виду этого попечитель Шестов в 1875 году и сходил с прошением в Святейший Синод, дабы содержимую им школу в селе Мурашкине подчинить в непосредственное ведение нижегородского епископа, так как школа и разрешена к открытию епархиальным епископом и к тому же и состоит при церкви.

Просьба эта была уважена, и Святейший Синод, ограничивая прием учащихся в школу детьми единоверцев и старообрядцев, установил за школою некоторыя преимущества, предоставив попечителю Шестову избирать учителей в школу самому, хотя бы и без свидетельства на звание учителя, лично, у нижегородского епископа.

Означенная школа содержится и снабжается всеми пособиями попечителем Шестовым из собственных средств. От желающих учиться ничего не требуется в школе, кроме искренняго усердия к делу. И сверх сего попечитель нередко, при посещении училища, старательных учеников дарил за успехи и доброе поведение подарками: книгами, рубашками, платочками, жилетками и другими вещами каждому по достоинству, а по возрасту беднейшим из них оказывает пособие.

При школе имеется довольно ценная книжная библиотека, собранная попечителем Шестовым на свои средства, в которой есть до 2000 книг, между коими первое место занимают церковно-исторические, второе исторические, путешествия, философские и разные произведения русских и иностранных писателей. Эта библиотека и по настоящее время им (Шестовым) еще восполняется присылкою новых книг. Желающие пользоваться книжным чтением из сей сокровищницы всегда могут брать книги на прочтение без всякаго препятствия.

На место выбывших в 1876 году священника Цветкова и диакона Лебедева определен был по выбору прихожан священником в Мурашкинскую единоверческую церковь отец Иоанн Овчинников, из крестьян, бывший на Бору в единоверческой церкви уставщиком; человек пожилой и семейный. В Мурашкино он перешел из села Ужова, где был при единоверческой церкви священником. Отец Иоанн служил при Мурашкинской Единоверческой церкви 11 лет; скончался в 1886 году и похоронен прихожанами с подобающею честью при алтаре Покровской церкви, с южной стороны. В погребальной процессии принимали участие благочинный единоверческих церквей Доброзраков и несколько других единоверческих священников, в том числе из села Вармалей и из села Малаго Мурашкина.

Церковным старостою состоял Василий Никитич Гуселев, принявший эту должность от Григорья Васильевича Серебренникова, из коих первый служил при церкви 15 лет, а второй 12. Оба они в настоящее время отошли в вечную загробную жизнь.

По смерти Гуселева и по выбытии его из старост церковных, в эту должность приход избрал Василия Ивановича Шумилова, который и правит обязанность церковного старосты должным порядком вот уже третье трехлетие.

В виду такого положения единоверческого прихода в среде прочих приходов села Большаго Мурашкина, попечитель Шестов исходатайствовал в 1875 году у подлежащих властей учредить при оной церкви, церковное Братство и при оном из 12 лиц Совет, который по уставу и должен управлять делами прихода преимущественно в материальном отношении и отчасти в нравственном, но не обязательно.

Члены Совета избираются из прихожан общим собранием всего прихода через каждые три года, посредством баллотировки на шарах. Причт же оной церкви, как зависимый от прихода по своей духовной обязанности, по уставу не баллотирован и в числе братства членом не состоит. В исключительных случаях, в отсутствии председателя, священник иногда, в виде почета приглашается в заседание. Но попечитель Шестов, учреждая Братство, имел надежду в будущем, когда оно освоится с делами, найти в нем самое полезное для прихода и церкви учреждение. И можно надеяться, что его предположения впоследствии оправдаются. При этом предусмотрено, что если некоторые параграфы окажутся к делу неприменимы, то могут быть изменены.

Покровская церковь при всех своих достоинствах во внутреннем ее благолепии не свободна была и от некоторых недостатков, которые особенно обнаруживались с умножением ее прихода. Она состояла из одного помещения, которого не достаточно было для помещения всех прихожан в праздничное время. Во время стечения народа от множества свеч и ладона в церкви делалось очень душно и стенное писание страдало от копоти до того, что за последнее время не представлялось возможности рассмотреть стенное писание и изображения святых. Пытались не раз закоптели стены промывать, что делается при помощи ядовитых щелочей, но за последнее время на это рассчитывать не могли, ибо писание промывкою отчасти повреждалось и в красках утрачивалась прежняя яркость. Это обстоятельство крайне озабочивало прихожан и наводило на мысль: или приклать к Покровской церкви придел для зимнего в нем служения, в виде трапезы, а Покровскую церковь определить для Богослужения в летнее время, или же построить особую зимнюю церковь на другом месте. Но мысли эти пока они оставались достоянием прихожан, казались невыполнимою мечтою, ибо на осуществление такого дела прежде всего требовался налично значительный капитал денег, которых в приходе не имелось. И поэтому доброе предположение по нужде приходилось приходу отлагать до более благоприятного времени. Так прошли многие годы. Но под конец обратил внимание на эту нужду и попечитель Шестов, который сначала полагал, что прихожане вчерне выстроят церковь сами, а внутренне украшение церкви он пожелал принять на свой счет. Относительно сего Братство неоднократно совещалось с приходом, но безуспешно: средств на постройку новой зимней церкви взять негде было. Пытались потребную сумму собрать

посредством добровольной подписки, но и это оказалось напрасным: подписали самую ничтожную сумму не более 200 рублей серебром, на которые ничего нельзя сделать. А некоторые из прихожан, более зажиточные хотя и обещали оказать благому делу посильную помощь, но не прежде того, как дело это будет начато более сильной рукой, то есть попечителем Шестовым. Между тем как в последнем случае проглядывала мысль: начнет попечитель и мы посильную лепту к тому приложим. Соображаясь с сими обстоятельствами, Братство писало в 1880 году в Москву попечителю Шестову, что приход покорнейше просит его начать постройку церкви по своему благоусмотрению; при чем с своей стороны повторило тоже обещание, в случае надобности оказать благому предприятию посильную поддержку. Из сего стало очевидно, что приход далее обещаний не пойдет.

На письма Братства попечитель формальным письмом от 12 марта 1880 года отвечал, что он принимает все обязанности по построению предполагаемой новой церкви на себя и от прихожан требовать не будет ничего; а если кто по усердию своему к храму Божию пожелает что-либо от трудов своих пожертвовать, то он не отвергнет ни одной малой лепты, а примет таковую с благодарностию. И в то же время поручил Братству приступить немедленно к делу: избрать из среды себя четырех наблюдателей за ходом строительных работ и заняться заготовкою нужного материала: кирпича, извести, леса и прочего.

Однако, и при этом благоприятном обстоятельстве возникло некоторое затруднение, которое состояло в том, что места под новую церковь в ограде свободнаго и просторнаго не оказалось. Чтобы устранить это неудобство попечитель и Братство убедительно просили живущаго рядом с оградю (с юга) своего прихожанина Якова Кислова уступить в пользу церкви свою половинную заднюю усадьбу и тем расширить оградское место, предлагая за сие денежное вознаграждение, на которые Кислов мог бы устроиться без ущерба в хозяйстве на другом месте. Но Кислов для церкви Божией не согласился уступить своего места и за вознаграждение, какое ему усердно предлагали.

Поэтому церковь пришлось строить на том месте, какое находилось свободным в ограде и во всяком случае с гораздо меньшим удобством, чем предполагалось сначала. Место это, на котором теперь построена Никольская церковь, замечательно тем, что вдова Анна Алексеевна Исаева, племянница бывшего благотворителя Василия Ивановича Исаева, предположила свое намерение перейти на жительство в ограду церковную; дня за три до перемещения своего, она видит ночью в сонном видении, что где теперь стоит алтарь Никольской церкви, из земли того места изливается источник самой чистойшей воды, потом повторилось на вторую ночь тоже самое видение; это сонное видение вдова Анна Алексеевна Исаева видела еще за 10 лет до построения Никольской церкви, о построении которой никто и не мыслил, такой сон покойная Анна Алексеевна Исаева при жизни своей передала лично попечителю И. И. Шестову.

Закладка этой церкви состоялась 25 апреля 1881 года в присутствии самого строителя Ивана Ивановича Шестова, прибывшего для сего нарочито из Москвы. После чего и пошло дело своим порядком и с большой успешностию.

Работы производились под наблюдением члена Братства Александра Николаева Шапошникова и других. Шапошников неотлучно находился при стройке во все время безвозмездно, занимаясь своими собственными делами менее, чем церковными. Он этим заслужил в приходе себе добрую память, которую грешно предавать забвению. Между тем попечитель Шестов усердно хлопотал и заботился о внутреннем благоуукрашении нового строящегося храма, заказав московским мастерам по древним рисункам иконостас; приобрел в Новгороде древния иконы из упразднившагося придела в церкви апостола Филиппа, для чего ездил туда нарочно не один раз, а чего не доставало, то заказал изготовить лучшим московским иконописцам. При чем некоторыя образа точныя копии с чудотворных икон, находящихся в Москве. По-

стройка церкви и снабжение ее всеми принадлежностями приведена к окончанию в 1885 году. Новая церковь вышла гораздо поместительнее старой Покровской церкви по своему внутреннему устройству.

Антиминс в новую церковь приобретен древний из архиерейской ризницы в городе Владимире, освященный в 1642 году в честь святителя Христова Николы Мирликийского чудотворца. К числу редких особенностей новой церкви принадлежит: большой древний образ Христа Спасителя, находящийся в алтаре и образ пророка Даниила, оба из Новгорода, вещи довольно ценные и древние, поставлены на Горнем месте.

Новая церковь освящена 8 июля 1886 года на память великомученика Прокопия и явление иконы Казанской Богоматери, в честь святителя Христова Николы чудотворца. Чин освящения совершал соборно с единоверческим духовенством преосвященнейший Модест, епископ Нижегородский и Арзамасский, нарочито прибывший для сего случая из Нижнего Новгорода. В освящении оной церкви принимали участие следующие лица: священник Московской Единоверческой Троицкой церкви о. Иоанн Звездинский, благочинный единоверческих церквей о. Тимофей Доброзраков, села Вармалей о. Михаил Отарин и села Малое Мурашкино о. Иоанн Левиков, Высоковского Единоверческого монастыря священноинок Иоанн, мурашкинский уроженец, по фамилии в мире Гладашев, и в том же участвовали диакон и архиерейский протодиакон, из коих первый читал на литургии великолепно Апостол, а второй Евангелие. Пение выполнялось за всенощной и обедней своими приходскими певчими. По окончании литургии прихожане преподнесли попечителю Шестову благодарственный адрес и святую икону, с изображением тех святых, имена коих носит строитель и его ближайшие родные. Адрес с благословения преосвященного Модеста прочитан был с кафедры церковной во всеуслышание прихожанином Яшновым, а впоследствии оный отпечатан отдельными брошюрами. Во время литургии в день освящения рукоположен во диаконы псаломщик оной церкви Григорий Степанович Шлеев. В то же время (в день освящения) строитель Шестов приобщился Святых Христовых Таинств из рук самого епископа Модеста, к тому же приготовлялась и его супруга, но по слабости здоровья ей не привелось исполнить своего желания.

По окончании освящения и окончания Божественной литургии преосвященного со всеми прочими клириками просили, ради подкрепления сил к трапезе, которая приготовлена была в богадельном доме на 60 персон (лиц), в число коих входили Братство и почетные прихожане; а прочие все были угощены в церковной ограде, где временно установлены были столы с яствами и напитками. Погода накануне и в самый день освящения стояла ясная и теплая, вполне благоприятствующая такому важному случаю, как освящение. А потому предстоящих в церкви было чрезвычайно много, с трудом возможно было изобразить на себя крестное знамение, земного поклона за теснотою положить не было возможности. Вход в церковь за литургию возможен был только по билетам, полученным из Братства заранее. Но всей публики собралось так много, что в ограде ощущалась заметная теснота, казалось оною возможно-бы заместить все Мурашкинские 8 церквей, а не только, что одну.

Новая церковь строителю Шестову обошлась кроме пожертвований по меньшей мере тысяч в 35 рублей серебром. Строитель же не пожелал этого объяснить.

Спустя некоторое время попечитель, дополняя украшение воздвигнутой им церкви, приобрел в оную согласно древнего устройства, очень изящную плащаницу, стоящую до 800 рублей серебром.

Школьное здание заложено 9 июня 1887 года. Наконец в 1889 году пришла к окончанию постройка училища, которая оказалась со всеми удобствами, учебная комната для мальчиков, другая для девочек, особое помещение для учителя и для учительницы, в нижнем этаже кухня, при которой отдельная комната, для помещения живущих учеников, которые живут вне Мурашкина, а в мезонине комната для библиотеки. К 8 июля 1889, то есть, ко дню освящения училища, из Москвы прибыл и по-

печитель И. И. Шестов. Предстоящее торжество назовем детским праздником. Освящение состоялось так: избрано предварительно 16 мальчиков учеников от 9 и до 13 лет, и поставлены на правый клирос, под руководством псаломщика Шапошникова; эти избранные мальчики накануне за всю ночь, исполняли, где следовало чтение, то есть, псалмы, шестопсалмие, два канона: один — Божией Матери, а другой — святителю Николе Чудотворцу; также и все пение исполнялось достойно всякой похвалы; прихожане, усердствующие к пению, занимали левый клирос, отдавая во всем преимущество ученикам мальчикам. Настало 8 июля, — день праздника Казанской Божией Матери; мальчики пели всю литургию на оба клироса; кроме того ими прочитаны часы; апостол достался читать десятилетнему мальчику, который прочел его с кротостью и умилением, предстоящие были тронуты этим необыкновенным детским чтением; все исполнено было отлично. По окончании литургии, из церкви крестным ходом пошли в новое здание училища, в котором отслужен был молебен с водоосвящением; два мальчика читали два канона — Покрову Пресвятой Богородицы и святителю Николе. Так совершилось Богослужение, во вновь построенном училище; да послужит оно прочным звеном просвещения на любовь Христовой Церкви. При торжестве находились родители тех мальчиков, которые исполняли чтение и пение во славу Божию; много отрадного вынесли они в своем сердце, и возблагодарили Бога за посланную им радость и сердечное утешение. 13 сентября 1889 года открылся учебный год, в день празднуемого обновления храма Воскресения Христова. Книги помещенные в мезонине, над училищем — собранные и пожертвованные строителем Шестовым поступили в собственность Мурашкинской Единоверческой Покровской церкви. Новое школьное здание во всех отношениях должно быть лучше и удобнее бывшего. В прежнем мальчики и девочки учились в одной комнате, а в новом учатся отдельно; мальчики в одной комнате, а девочки в другой.

В старом помещении мебелью служили большие столы и скамьи, которые постоянно оказывались неудобными, нарушали тишину и тем отвлекали внимание учеников, дети сидели по двум сторонам столов, половина как и следует лицом к учителю, а половина наоборот сидели обыкновенно спиной к учителю; а это неудобство очень вредно отражалось на занятии, затрудняя учителя и учеников, в новом же помещении приготовлены в достаточном количестве отличные парты с сидениями.

По смерти священника Иоанна Овчинникова, который умер от острого воспаления легких в феврале месяце 1886 года, как было о сем упомянуто выше, приход 7 месяцев оставался вдовым, без священника, которого вскоре не могли приискать.

Наконец попечитель Шестов просил известного священника из села Великого, Ярославской губернии, отца Михаила Щетнева, который и согласился переместиться в приход Большой Мурашкинской единоверческой церкви.

Перевод священника Щетнева состоялся без всяких проволочек в самый краткий срок. Прихожане священника Щетнева приняли к себе с искренним расположением, чего он и заслуживал. Это было в сентябре месяце 20 числа 1886 года. Приход этого священника полюбил всей душой, несмотря на то, что он в Мурашкине служил очень не долго, кажется не более 10 месяцев.

Священник Щетнев вполне стоил того, так как при доброте душевной, замечательном познании службы Божией, и точному исполнению оной, нотного и крюкового пения, он имел самый мирный и уживчивый характер.

Но к сожалению, радость прихожан была очень не продолжительна. На беду Мурашкинским единоверцам в июне месяце 1887 года в Москве при единоверческой Троицкой церкви умер священник. Москвичи отца Михаила хорошо знали, а потому и обратились к нему с просьбою поступить в их приход на место умершего прежнего их священника отца Георгия, на что он Щетнев, после некотораго колебания, и согласился. В Москве приход очень богатый, а в Мурашкине, сравнительно с Московским, беден, хотя численностью немалый, ибо в нем прихожан до 900 душ. К тому же Мурашкинский приход частью разбросан в окрестных селах и деревнях, что и требу-

ет от священника особо тяжких трудов, ибо нужно служить и разъезжать по приходу. И сверх того в Мурашкине единоверческий приход служит постоянно поводом для всевозможных неправд доносчиков; негодующие, непрестанно тревожат епископа своими неосновательными жалобами на единоверческого священника, который нелицемерно исполняет обязанности свои, поэтому ему нередко приходится выносить большие неприятности, и вообще о выслуге и поощрении при таких условиях не может быть и речи.

Все эти обстоятельства, взятые вместе и побудили отца Михаила Щетнева принять предложение Москвичей и проститься навсегда с любящими его всею душою и любимыми им Мурашкинскими единоверцами.

Правда, священник Щетнев с переходом в Москву в материальном отношении во многом выгодал, но за то в нравственном он прогадал и много потерял: в Мурашкине все прихожане любили его всей душой и готовы были все исполнить по его желанию, а в Москве вряд ли можно рассчитывать на такую любовь и единодушие в среде единоверческих прихожан. Впрочем мы желаем, чтобы сомнения наши на сей раз не оправдались, ибо память об отце Михаиле Щетневе в Мурашкинском единоверческом приходе останется на долго всем любезна и памятна.

В заключение всего сказанного выше для исторической памяти добавим следующее. Строитель Большой Мурашкинской единоверческой Покровско-Никольской церкви и попечитель оной Московский купец И. И. Шестов в видах пожарного случая и несчастья, которое может угрожать целости всех в церковной ограде больших и малых строений 1888 года устроил в долу за оградой проточный пруд, пропустив в него течение воды из ближайших источников. Пруд устроен по соглашению с сельским обществом и одним из церковных православных причтов, земля коего прилегалась к этой местности.

При единоверческой церкви в Мурашкине имеются особые кладбища, которые находятся в распоряжении единоверцев с давнего времени состоят вне селения. Означенные кладбища попечитель Шестов на свой счет окопал глубоким рвом и огородил прочными перилами, чтобы не могла туда входить скотина, гадить на могилах и вредить надгробным памятникам. Им же, благотворителем Шестовым, к довершению благоустройства кладбища, построена, в среде покоящихся там единоверцев и старообрядцев, каменная часовня, древней архитектуры.

В день Воздвижения Честного Креста Господня, 14 сентября 1889 года, прихожане после литургии отправились с крестным ходом на кладбище для совершения молебного служения. С молитвою к Господу, положили закладку, в основание часовни; постройку предполагают закончить в сентябре следующего года, а в предстоящее лето 1890 года должны поставиться святые иконы, для желающих молиться о своих усопших родителях и родных, при чем может быть отслужена и панихида, умершие единоверцы могут быть внесены на время в означенную часовню до предания тела земле или для совершения отпевания. На этом же кладбище хоронятся и прочие старообрядцы онаго села. В 1887 году единоверцы просили 2-е Мурашкинское общество уступить им для расширения кладбища землю, лежащую рядом с кладбищем, что и было обществом уважено безденежно снова прирезкою кладбища в длину по обе стороны по 42 сажени. Ширина, вверху — 17 сажений, а внизу — 10.5 сажений, а всего мерой в кладбище 556 квадратных сажений.

В память совершившегося чуда спасения 17 октября 1888 года благочестивейшего Царя нашего Александра III с Царицею и чадами их от грозившей им неминуемой опасности попечитель Шестов принес в Церковь Покрова Пресвятыя Богородицы пожертвование: Напрестольное Евангелие и Апостол, напечатанные в Москве до времени Патриаршества Никона. Обе сии святые книги украшены серебром и золотом.

Этим заканчивается история Мурашкинской православной Покровской церкви к началу 1890 года. Будущая история этой церкви предоставляется записывать для памяти будущему поколению со тщанием и правдою.

Сие историческое исследование о Покровской единоверческой церкви в селе Большом Мурашкине составлено по несомненным документам и словесного предания учителем церковно-приходской школы при означенной церкви Федором Ивановым Букиным.